

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУҚ РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОИЙ
ФАНЛАР

1994

3—4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАНА

ленных (чему противоречит композиция), имеющей суфийский подтекст и очень популярной в поэзии.

При таком составе композиции рисунка становится ясно, что золоченый самовар с трубой перед мужчиной в зеленом халате — аналог, заменитель кувшина с вином. При этом труба, поднимаясь над крышей «айвана», напоминает мачту корабля, хотя и смещенную ближе к «носу» его. Еще одна важная деталь — в центре между мужчиной и женщиной изображен зеленый куст с симметрично отходящими в сторону ветками. Вокруг на зелено-голубом фоне разбросаны золотые кустики. В совокупности состав и композиция рисунка указывают на мотив корабля (лодки), имеющий устойчивую суфийскую символику и развитую в ряде районов исламского Востока ритуально-мифологическую архетику (она еще хорошо не изучена).

В корабельном символизме различаются три пласта: коранический, классический и ритуально-мифологический⁸. Мотив корабля встречается в Коране 27 раз и выполняет разные функции, будучи связан с другими ключевыми мотивами. С одной стороны, мотив корабля связан с созданием Космоса и мироустроительной деятельностью Творца, а с другой, — с судьбой умерших («священная барка, перевозящая человека через океан духовного пути к берегам духовного мира»)⁹. В Коране и у суфийских авторов основные элементы семантического поля корабля — это море, буря. Они выступают символом Вышней Истины, Скрывающего¹⁰.

Если обратиться к цветовой символике средневековья, то красный цвет одеяния женщины, как длинноволновая часть спектра, связывается с верхним миром, а зеленый цвет халата мужчины, как коротковолновая часть спектра, — с нижним феноменальным миром. При таком раскладе символика красного одеяния женщины возносит ее статус до Вышней Возлюбленной (т. е. бога), к которому стремится сидящий впереди мужчина, отправившийся через Океан духовного Пути, т. е. он изыскивает единения с Вышней Возлюбленной. Золоченый самовар символизирует связь с верхним, солнечным миром. Деревце, разделяющее персонажей в лодке, напоминает о тесной связи некоторых видов ритуальных кораблей с Мировым деревом, выступая символом Космоса в его единстве¹¹. На Среднем и Ближнем Востоке высветились смысловые связи корабля с верой в милосердие Творца, призывание имени которого (зикр) ведет к спасению¹².

Таким образом, «корабельный» (или «лодочный») мотив в заставке поэтического сборника — не случайное явление, а вполне закономерная резонирующая параллель суфийским мотивам поэтических строк рубайи, связывающая в неразрывную цельность их символику, апеллирующая к извечной мечте человечества — сближению с Высшим Разумом, стремлению к совершенствованию природы человека, выявлению его Богоподобия, постижению Высшего духовного мира, поднятию над неразумной, суетой жизни к своему лучезарному истоку — Творцу, к берегам духовного мира.

Резюмируя сказанное выше, можно отметить, что историко-культурная ситуация в Средней Азии в поздний период стимулировала зарождение определенных изменений в характере декора, внеся определенные коррективы, в частности введением иногда в него и изобразительных мотивов, даже в унван (порой схематичных, примитивных, а временами выполненных на высоком уровне). При меняющейся стилистике декора, возрастании удельного веса в нем изобразительного начала можно отметить, что по содержанию привлекаемые мотивы и сюжеты все же остаются в рамках классического традиционного набора, хотя, возможно, в ряде случаев в них, при сохранении многозначности и амбивалентности, возрастает роль светского смысла.

Э. М. Исмаилов

⁸ Брагинский В. И. Указ. статья. С. 200.

⁹ Там же. С. 212.

¹⁰ Там же. С. 203.

¹¹ Там же. С. 218.

¹² Там же. С. 234.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РОЖДЕНИЯ ТИМУРА

Академик В. В. Бартольд в своей работе «Улугбек и его время», касаясь вопроса о месте рождения Тимура, писал: «Тимур, по словам Арабшаха, родился в деревне Ходжа Ильгар в окрестностях Кеша»¹. Здесь же, в примечании, он уточнял: «Ни в одном из других источников мест, где родился Тимур, не указывается: название селения, *خواجہ ایلغار*, насколько мне известно, также не встречается в литературе»². Подготовивший к изданию вторую часть т. II Сочинений В. В. Бар-

¹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 39.

² Там же.

тольда Ю. Э. Брегель в этом же примечании писал, что «селение Ходжа Ильгар существует до сих пор, в 13 км к юго-западу от Шахрисабза...»³

Итак, до сих пор считалось, что Ибн Арабшах был единственным историком, сообщившим о месте рождения Тимура. Однако, исследуя один из ранних источников эпохи Тимуридов — «Мунтахаб ат-таварих» Муъин ад-Дина Натанзи (написано в 816/1413 г. и несколько переделано в 817/1414 г.), мы обнаружили новые сведения относительно места рождения Тимура⁴.

В рассказе «Об отправлении эмира Хусейна лично против Султана Сахибкрана» говорится, что сейиды, казийи и имамы Туркестана решили помирить двух эмиров, т. е. Хусейна и Тимура. Дав согласие на это, Тимур, зимовавший в Ташкенте, двинулся в сторону Самарканда, где находился тогда эмир Хусейн. Однако на подступах к городу Тимур узнал от одного прохожего о смерти Хусейна. Сочтя это очередной уловкой своего противника, Тимур, не войдя в город, повернул в сторону Шадмана. Прибыв туда и столкнувшись в его окрестностях с отрядами караунасов⁵, он ушел в направлении Аб-и йам.

После некоторого отдыха в Аб-и йаме Тимур и его люди «отправились оттуда в селение Нийази, которое являлось местом его рождения, и прибыв [туда], остановились [там]»⁶. Эти события примерно так же описаны Низам ад-Дином Шами, писавшим свое «Зафарнаме» 10 годами раньше, чем Муъин ад-Дин Натанзи, и Шараф ад-Дином Али Йезди, автором другого «Зафарнаме», относящегося к 828/1425 г. Однако Шами и Йезди, подтверждая факт прибытия Тимура и его людей в селение Нийази, ни слова не говорят о том, что это родина Тимура. Отсюда возникает ряд закономерных вопросов:

1. Насколько достоверны сведения из «Мунтахаб ат-таварих» на этот счет и сочинение в целом?

2. Почему до сих пор данные сведения оставались вне поля зрения ученых, в частности того же В. В. Бартольда?

3. Где находилось селение Нийази; возможна ли его локализация?

В настоящее время мы можем ответить на эти вопросы следующее:

1. «Мунтахаб ат-таварих» Муъин ад-Дина Натанзи является вторым по времени составленным сочинением среди источников, осветивших историю Тимура. Первая полноценная официальная история его жизни и деятельности была составлена при жизни Тимура и по его же указанию. Осуществил этот труд Низам ад-Дин Шами в 806/1404 г.⁷

После смерти Тимура первую попытку изложить его историю предпринял Муъин ад-Дин Натанзи. Такой вывод напрашивается из учета имеющихся у нас данных о дате написания произведений, посвященных истории Тимура.

Первоначально Муъин ад-Дин Натанзи посвятил свой труд Искандеру, сыну Омар Шейха, второго сына Тимура (786/1384—818/1415). Автор преподнес произведение Искандеру в 816/1413 г., когда последний был правителем области Фарс. Однако вскоре Искандер пал жертвой междоусобных войн Тимуридов⁸.

В связи с этими политическими переменами Муъин ад-Дин Натанзи переделывает некоторые места своего сочинения, т. е. убирает посвящения, восхваления в адрес Искандера, и в 817/1414 г. преподносит свой труд другому Тимуриду — Шахруху, правителю Хорасана (812/1409—850/1447). Так появились две редакции одного произведения⁹.

Все исследователи, в той или иной степени пользовавшиеся этим источником, отмечали оригинальность и ценность его материалов, особенно тех, которые касаются истории монголов, Тимура. Еще В. В. Бартольд писал о своеобразии (монгольских или уйгурских) источников сведений автора¹⁰. Тюркское происхождение источ-

³ Там же. Ср.: Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А. Шахрисабз при Тимуре и Улугбеке//Труды САГУ: Сб. статей. Вып. XI; Гуманитарные науки. Кн. 6: Археология Средней Азии. Ташкент, 1953. С. 25.

⁴ Наше короткое сообщение об этом см.: Темур туғилган жой хусусида//Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1993. 15-сон. 3-бет.

⁵ Под караунасами в данном случае имеются в виду люди эмира Хусейна.

⁶ Муъин ад-Дин Натанзи. Мунтахаб ат-таварих/Изд. Ж. Обена. Тегеран, 1336 г. х. С. 251—252 (аз анджā ба карийā-йи Нийāзи, ке моулед ва маншā-йи у буд, бирафт ва бинашаст).

⁷ О нем и его сочинении см.: Стори Ч. А. Персидская литература: Библиографический обзор/Перевел с английского, переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. Ч. II. М., 1972. С. 787—791; Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 102; Якубовский А. Тимур (Опыт краткой характеристики)//Вопросы истории. 1946. № 8—9. С. 43.

⁸ Подробно об этом см.: Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973. С. 495—496.

⁹ Об этом см.: Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. С. 491—503; Мунтахаб ат-таварих. Предисловие издателя.

¹⁰ Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. С. 103.

ичков произведения и наличие в распоряжении Муъин ад-Дина Натанзи (дневников: (руз-нама) допускать и Жак Обен¹¹.

Оригинальность «Мунтахаб ат-таварих» подчеркивал также А. Ю. Якубовский, писавший, что «его источники иные, чем у Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Али Йезди... [и возможно] основной источник... («Мунтахаб ат-таварих») был написан на тюркском языке и не был известен двум вышеупомянутым историкам»¹². Он также предположил, что авторы двух «Зафарнаме» «просто не использовали» эти тюркские источники¹³. Такого рода оценку относительно источников «Мунтахаб ат-таварих» можно найти и в исследованиях О. Ф. Акимущикина¹⁴.

Немаловажным фактором в пользу признания достоверности сведений Натанзи по части истории эпохи Тимура является то, что он был современником последнего. Он имел возможность общаться не только с теми, кто знал Тимура и был рядом с ним, но слышал рассказы и тех, кто помнил события дотимуровских времен. Поэтому в тексте встречаются такие фразы: «Некоторые сведущие старцы, которые в той дате были вместе с тем войском, рассказывают так...»¹⁵; «старцы рассказывают, что...»¹⁶; «если изложить ...в некоторой степени увиденное [мною] и в некоторой степени услышанное от заслуживающих доверия, мудрых и известных людей...»¹⁷.

В этой связи еще большую актуальность приобретает предположение Ж. Обена относительно того, что в начале IX/XV в. в Ширазе проживало некоторое количество монгольских эмиров Тимура, которые, находясь затем на службе у Искандера, сообщили Муъин ад-Дину Натанзи ценные сведения о Средней Азии¹⁸.

Словом, осведомленность Муъин ад-Дина Натанзи и стремление его изложить события, опираясь на достоверные факты, свидетельства, не должны вызывать сомнений. В этом можно убедиться и путем сравнения сведений автора с соответствующей информацией таких авторитетных сочинений, как «Зафарнаме» Шами и Йезди.

Теперь постараемся ответить на второй вопрос. Все специалисты, отмечая ценность и оригинальность «Мунтахаб ат-таварих», все же, как нам представляется, рассматривали его как дополнительный источник по истории Тимура¹⁹. Этим, видимо, можно объяснить нечастое обращение исследователей к сочинению Муъин ад-Дина Натанзи. Следует отметить также, что список «Мунтахаб ат-таварих» довольно редкий. Так, в бывшем СССР только в Ленинграде (Санкт-Петербурге) имеется два списка этого сочинения. Один из них (С. 380; 977/1569—70 г.) включает лишь первые две части сочинения. Вторым списком (С. 381) пользовался в свое время В. В. Бартольд. Оба они представляют первую редакцию «Мунтахаб ат-таварих»²⁰. К сожалению, мы не знакомы с этими списками, а потому не знаем, есть ли в нем сведения о Нийази. Если нет, то ситуация проясняется: В. В. Бартольд просто не был знаком с полным текстом «Мунтахаб ат-таварих» второй редакции, представленной единственным списком в Парижской Национальной библиотеке²¹. Судя по использованному нами изданию Ж. Обена, сведения о Нийази относятся именно к парижскому списку.

Следует также отметить, что труд Муъин ад-Дина Натанзи все еще не изучен специально как исторический источник.

Теперь обратимся к вопросу о локализации Нийази.

По сведениям Самъани (XII в.) и Якута (XIII в.), Нийази — большое селение между Насафом и Кешем. Самъани провел там одну зимнюю ночь²². Участники Кешской археолого-топографической экспедиции 1967 г. отождествили Нийази с остатками Алтычтепа, близ кишлака Каучин. В результате археологических изысканий им удалось зафиксировать там толстые (1,2—1,5 м) стены из жженных кирпичей и обнаружить крупные фрагменты орнаментированного резного штука. На некоторых из них обнаружены надписи. По мнению участников экспедиции, все это относится к разрушенной мечети, а селение в целом было богатым и большим, его рабад тянулся в южном направлении почти на 1 км²³.

¹¹ Мунтахаб ат-таварих. С. з—х.

¹² Якубовский А. Тимур... С. 45.

¹³ Там же.

¹⁴ Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. С. 113.

¹⁵ Мунтахаб ат-таварих. С. 202.

¹⁶ Там же. С. 246.

¹⁷ Там же. С. 275.

¹⁸ Там же. С. х—т.

¹⁹ См., напр., упомянутую работу А. Ю. Якубовского (с. 45).

²⁰ Кроме этих двух списков, имеется еще три списка первой редакции сочинения: в Британском Музее (Ог. 1566), Астан-и кудс-и Ризави и в частной коллекции Хаджи Хусейн Нахичевани в Иране.

²¹ См.: Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. С. 491—492.

²² См.: Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. С. 195; Ср.: Камалиддин Ш. С. «Китаб ал-ансаб» Абу Са'да Абд ал-Карима ибн Мухаммад ас-Самъани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 108.

²³ Массон М. Е., Лунина С. Б. Пятый сезон археологических работ в Кашкадарье//ОНУ. 1968. № 6. С. 61—62.

По мнению С. Б. Луниной, Алтынтепа тождествен Наукад Курайш. По Самъани и Иакуту, Наукад Курайш находился в 6 фарсах от Насафа, по Истахри, — в 5 фарсах от Кеша. Мукаддаси тоже относит Наукад Курайш к Кешу²⁴. В. В. Бартольд предлагал локализацию Наукад Курайша на месте селения Карабаг²⁵.

По мнению Ш. С. Камалиддинова, Наукад Курайшу соответствует Камайтепа, а Нийази (Нийази в арабском чтении) следует помещать на месте городища Кургантепа, которое, имея площадь 10 га, является самым крупным средневековым городищем в предгорьях Яккабага. В средние века это был центр крупного ирригационного района в долине Кызылдары²⁶.

Как видим, проблема локализации селения Нийази еще окончательно не разрешена. Быть может, серьезным подспорьем в этом вопросе могут стать сведения авторов эпохи Тимуридов.

Так, маршрут Тимура от окрестностей Самарканда до Нийази в трудах Натанзи, Шами и Йезди однозначно определен следующим образом: окрестности Самарканда — Шадман — Аб-и йам — Нийази²⁷.

По Натанзи, Тимур из Нийази отправляется в Кумишкент, где находится гробница Али Ата²⁸. По Шами, Тимур из Нийази двинулся в направлении Хузара, но, узнав о прибытии войск эмира Хусейна, возвратился назад. Затем отправился в Кайнар (-Шакшар), отсюда — в Алибад. А в Кумишкенте находились люди эмира Хусейна²⁹. Йезди маршрут Тимура описан так: Нийази — Аб-и Кухак — Кайнар-Шакшар — Алибад³⁰.

Шами и Йезди лишь в одном месте упоминают Нийази. В «Мунтахаб ат-таварих» о Нийази говорится также в связи с тайным прибытием Тимура около 1362 г. в Самарканд, к сестре Кутлук Туркан Ага. «Когда весть об их [пребывании] распространилась среди населения, они вновь возвратились в [область] Шахрисябз и в течение 48 часов находились в селении Нийази, которое являлось собственностью (мулк) эмира Тимура»³¹. И Шами, и Йезди рисуют ту же картину, только селение, где остановился Тимур, называют Аджиги³². Но и Аджиги (тюрк.), и Нийази (перс.) означает «даренный», т. е. речь идет об одном и том же селении.

Сведения о селении (кишлак) Нийази мы встречаем в «Вакфнаме» XVI в. Оно как «государственное владение» помещено на севере селения Губдин, в области Насаф³³. Губдин, по Самъани, расположен в 2 фарсах от Насафа, у Иакута — в одном фарсах от города³⁴. В «Вакфнаме» Губдин охарактеризован как одно «из верхних селений вилайета Насаф»³⁵.

Пока еще невозможно утверждать, что все сведения о Нийази (арабских историков, авторов тимуридской эпохи и документа из «Вакфнаме») относятся к одному и тому же селению. Быть может, селений с названием Нийази было несколько. Не исключено также, что в свое время селение, о котором идет речь, было отдано в качестве дара (нийаз) ходже Ильгару. О последнем говорится лишь у Ибн Арабшаха и пока (со времен В. В. Бартольда) каких-либо дополнительных сведений о нем в источниках не обнаружено³⁶.

Таким образом, в настоящее время мы имеем два свидетельства относительно места рождения Тимура: Нийази по Натанзи и Ходжа Ильгар по Ибн Арабшаху. Третьего, независимого источника, подтверждающего или отвергающего одно из этих свидетельств (или оба), пока не обнаружено. Так что этот вопрос требует еще дальнейшего изучения.

А. Зияев

²⁴ Камалиддинов Ш. С. *Китаб ал-ансаб...* С. 106; Ср.: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. I. С. 189.

²⁵ Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. I. С. 290.

²⁶ Камалиддинов Ш. *Историческая география Тохаристана и Южного Согда по арабоязычным источникам IX—начала XIII вв.* Ташкент, 1993. С. 358 (рпк. докг. дис.).

²⁷ Низам ад-Дин Шами. *Зафарнаме*. Т. I/Изд. Ф. Таура. Прага, 1937. С. 49; Шарафуддин Али Язидий. *Зафарнома/Нашрга тайёрлаш, сўз боши, изоҳ ва кўрсаткичлар* А. Урнибоевники. Тошкент, 1972. 277-бет.

²⁸ *Мунтахаб ат-таварих*. С. 253.

²⁹ *Зафарнаме*. С. 50.

³⁰ *Зафарнома*. 278—279-бетлар.

³¹ *Мунтахаб ат-таварих*. С. 214.

³² *Зафарнаме*. С. 21; *Зафарнома*. 225-бет.

³³ Мукминова Р. Г. *К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в.: Вакфнаме*. Ташкент, 1966. С. 290.

³⁴ Камалиддинов Ш. С. *Китаб ан-ансаб...* С. 106; ср.: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. I. С. 190, 196.

³⁵ *Вакфнаме*. С. 290.

³⁶ Удивительно, что ни в одном источнике эпохи Тимура и Тимуридов, за исключением Ибн Арабшаха, о ходже Ильгаре нет ни слова.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУҚ РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОИЙ
ФАНЛАР

1996

11 — 12

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

хизмат ҳақига олган. Шу билан бирга аста-секинлик билан мадраса мутаваллиларини ишини назорат қилиш учун мутавалли мансабининг жорий қилади, аммо уларни маоши тўғрисида гапирмайди. Ҳукумат унга маош тўламаган. Бу ҳам одатга кўра мутаваллибоши ўзига бўйсунган мутаваллиларнинг ҳар бирини йиллик даромадини $\frac{1}{10}$ қисминини олган.

Ўзбекларда онла ва никоҳ муносабатлари шарият ҳуқуқи билан тартибга солинган, аммо бундан қатъи назар бу борада ҳам кўпгина одатлар мавжуд бўлган. Оилага, хотинларга тил теккизиш катта айб бўлган ва гоёт гуноҳ ҳисобланган. Ҳатто хотин-қизларнинг исмларини талаффуз қилмай, уларнинг ҳар бирини бошқа бир ибора билан аташган. Ушбу одат хотинларнинг номини бош фарзанднинг исми билан чақириниш оdatи тарзида бизгача етиб келган.

Тарихчи ибн Арабшоҳнинг «Темур тақдирида тақдир ажойиботлари» китобида худди шундай одат ёритилиб берилган. Темурбек Рум (Туркия)га юриш қилишдан олдин Султон Боязид ибн Усмонга мактуб юбориб, ўзининг душманлари бўлган Султон Аҳмад ва Қора Юсуфни Румдан чиқариб юборишни талаб қилган. Аммо Боязид унинг хатига менсимасдан масҳара қилиб жавоб ёзди ва уни: «Агар сен (биз томонга) келмасанг, сенинг хотининг уч талоқ бўлсин. Агар сен менинг юртимга келсангу, мен сенга қатъий уруш қилмай қочсам, у вақтда менинг хотинларим узил-кесил уч талоқ бўлсин»,— деб таъминлайди. Анқара жангидан енгилган Боязид аср олиниб иззат-икром билан Темур ҳузурига таклиф қилинади. Шунда у ўзининг хотинлари, жорий ва қўриларининг базм соқилари ва хизматчилари эканлигини кўриб жуда қаттиқ қайғуради.

«Ибн Усмонга кўрсатилган бу интиқом унинг ўз мактубларида хотинларини тилга олиб қасамёд қилганлиги сабабидан эди, чунки хотинларга тил теккизиш чигатоиликларда ва турк қабилаларида энг катта гуноҳ бўлиб, онла ҳақиқа қилинган хиёнатдан ҳам азиямдир»,— деб ёзди ибн Арабшоҳ¹⁷.

Бу минг йиллик одатлар ҳозиргача барча туркий халқлар, жумладан, ўзбеклар орасида ҳам сақланиб келмоқда.

Ўзбекларда вафот этган аканинг онласини сақлаб қолиш, болаларни боқиб катта қилиш учун унинг бева қолган хотинига укаларининг уйланиши оdatи мавжуд бўлган, бундай ҳолда бева хотин «Жесир» — «Есир» деб юритилган. «Жесир»лик оdat-ҳуқуқлари «тўра» билан тартибга солинган. Б. Аҳмедовнинг «Улғбек» номли асарида бу ҳақда жуда қизиқ диалог келтирилган. Бир кун Улғбек ўзининг йирик руҳонийларидан бири Абдулфатҳ Дайлар билан суҳбатлашиб ўтирганида, унинг ҳузурига бир синоҳи арз билан киради. «Оғайним вафот топиб хотини бева қолди. Андин икки сағир ва ўртаминча бир ҳовли жой қолган. Урф-одатга кўра, мен ўша бева хотинни хотинликка қабул қилишим, сағирларга эса ота бўлмоғим лозим. Лекин билъ-акс заифа қўнмайин турадур, бир баззозини ихтиёр қилган эмнм»,— деб ундан мадад сўрайди. Дастлаб Улғбек унинг талаби қондирилиши ҳақида ҳукм қилади: Аммо дин пешволари Абдулфатҳ Дайлар: «Синоҳининг хотин хусусидаги талаби шариятга ҳилофдир. Оға ўлгач бевасини олишлик урфий бир нарс»,— деб шариятга кўра никоҳ ҳар икки тарафнинг розилиги билан бўлишини уқтиради¹⁸. Улғбек шарият кўрсатмаси билан келишмаслиги мумкин эмасди. Шунинг учун ҳам аввалги ҳукмининг бекор қилади. Бу мисолдан ҳам кўришимиз мумкин, яъни, урф-одат шариятга зид бўлмаслигига ҳуқуқий муносабатини тартибга солиш учун қўлланилган. Юқоридаги оdat аста-секинлик билан дашт ўзбекларида йўқ бўлиб кетган.

Юқоридан кўриниб турибдики ўзбек халқи, ҳуқуқнинг бошқа манбалари билан бир қаторда ривожланган ҳуқуқий оdatларга эга бўлиб, улар кўпгина ҳуқуқий муносабатларини тартибга солишда қўлланилган. Уларни тўплаб ўрганиш давлат ва ҳуқуқ тарихи фани ва ҳуқуқий меросини ўрганиш нуқтан назаридан жуда аҳамиятлидир. Бу ҳуқуқий оdatлар Ўзбекистонда ҳуқуқий гоёни шаклланишида таъсир кўрсатиб, баъзилари кейинчалик ҳуқуқий қондаларга айланиб кетган.

3. Муқимов

¹⁷ Ибн Арабшоҳ. Темур тақдирида тақдир ажойиботлари. 1-жилд. Тошкент, 1992. 258—259, 275-бетлар.

¹⁸ Аҳмедов Б. Улғбек. Тошкент, 1989. 124—125-бетлар.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ СЕЛЕНИЯ ХУЖА ИЛГОР

Вплоть до последних лет вопрос о родине Амира Темура не вызывал особых споров, ибо в наиболее значительном исследовании по этому периоду «Улғбек и его время» известного историка-востоковеда В. В. Бартольда на основе изучения большого количества официальных исторических хроник говорится, что родные места Темура находятся близ Шахрисабза (средневековый Кеш), но ничего не говорится ни о селении, где он родился, ни о годах его возвышения и прихода к власти, вплоть до 1360 г.¹

¹ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 36.

На основании данных Ибн Арабшаха, испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо, а также других письменных источников В. В. Бартольд заключает, что официальные хроники опускали этот момент по желанию самого Темура. Далее Бартольд отмечает, что, по словам Ибн Арабшаха, Темура родился в селении Ходжа Ильгар, в окрестностях Кеша, а в других источниках место его рождения не указано².

За последние годы в связи с 660-летним юбилеем Амира Темура появились несколько публикаций научного и научно-популярного характера, авторы которых пытались по-новому осветить эти вопросы, привязывая место рождения Амира Темура к ряду других населенных пунктов Кашкадарьинской области. Так, востоковед А. Зияев³ на основании исследования такого малоизвестного источника эпохи Тимуридов, как «Мунтахаб ат-Таварих» Муъин ад-Дина Натанзи (изд. Ж. Обена, Тегеран, 1336 г. х.), приводит сведения о продвижении войск Темура к селению Нийази, бывшему местом его рождения, и остановке в нем. По данным Саъмани (XII в.) и Якута (XIII в.)⁴, это было большое селение между Насафом (Карши) и Кешем (Шахрисабз).

Таким образом, наличие такого селения, совершенно определенно фиксируемое в трудах арабских географов XII—XIII вв., позволило автору выдвинуть гипотезу о рождении Амира Темура в селении Нийази.

Тем не менее дальнейший разбор автором публикации этой проблемы приводит к заключению о преждевременности подобных выводов.

Во-первых, труд Муъин ад-Дина Натанзи все еще не изучен специально как исторический источник.

Во-вторых, данные об остановке Темура в селении Нийази, приводимые в «Мунтахаб ат-Таварих», имеются и в двух официальных хрониках — «Зафарнаме» Низам ад-Дина Шами и «Шараф ад-Дина Али Йезди», хотя в последних ни слова не говорится о том, что это родина Темура. Между тем книга Низам ад-Дина была написана при жизни самого Темура.

И, в-третьих, несмотря на неоднократные попытки востоковедов, историков и археологов, до сих пор вопрос о конкретной локализации средневекового селения Нийази, находившегося между Насафом и Кешем, не решен. Исходя из этого, группа сотрудников Института археологии АН РУз провела в 1995 г. историко-археологическое обследование селения Хужа Илгор на предмет выяснения действительности приводимых Ибн Арабшахом данных о месте рождения Амира Темура.

Ныне селение Хужа Илгор располагается на территории колхоза имени Амира Темура Яккабагского района Кашкадарьинской области РУз, в 13 км к западу от Шахрисабза. Оно окружено виноградниками и полями, занятыми под пшеницу и хлопчатник. К востоку и юго-востоку вплотную к селению подступают возвышающиеся на 8—10 м в виде тепа остатки крупного укрепленного поселения. Сейчас они почти полностью заняты мазаром, а у северо-восточного подножия его находится почтаемая населением могила Хужа Илгор Ота, по имени которого и назван данный кишлак. С востока и юго-востока к тепа прилегают возвышающиеся на 1—1,5 м остатки позднесредневекового поселения.

Программой работ предусматривалось также археологическое вскрытие так называемой «пещеры Амира Темура» (Амир Темур горн), расположенной близ северо-восточного подножия наиболее древней укрепленной части данного памятника, ныне почти полностью занятой мазаром. По рассказам старожилов, эта пещера еще в 20-е годы была открыта и представляла собой уходящий под землю под небольшим углом коридорообразный проход, переходящий в подземное сводчатое помещение, вырытое в лёссовой структуре памятника. В 30-е годы пещера, уже начинавшая засыпаться, служила местом сокрытия различного рода старых книг на арабской графике. Входная, коридорообразная часть пещеры, ныне полностью засыпанная, уже была занята свежими захоронениями, а на месте расположения помещения образовалась яма, свидетельствующая о том, что верхняя часть комнаты под длительным воздействием осадков провалилась. Исследования были начаты именно здесь, ибо входная часть пещеры была, как уже сказано, занята погребениями.

В результате расчистки обрушившихся верхних частей помещения была выявлена подквадратная по основанию комната размерами 2,5 м (с.—ю.) × 1,8 м (в.—з.). Сохранившиеся до 2 м остатки стен переходили затем в полусвод с максимально выявленной высотой 2,4 м. Пол помещения был выложен из обломков жженных кирпичей и камней. По перху выстилки были выявлены остатки темного перегнившего слоя органики, вероятно являвшейся остатками соломы, служившей для отдыха находившихся в помещении людей. На полу помещения, а также в культурном

² Там же. С. 39.

³ Зияев А. К вопросу о месте рождения Тимура // ОНУ. 1994. № 3—4. С. 65—68.

⁴ Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. I. С. 195; Камалиддинов Ш. С. «Китаб ал-ансаб» Абу Сада Абд ал-Карима ибн Мухаммад ас-Самани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 108.

слое над полом найдены фрагменты керамики второй половины XIX — начала XX в., осколки фарфоровых пинал конца XIX — начала XX в., осколки стекла от керосиновой лампы, а также мелкие обрывки книжных листов с преимущественно печатной арабской графикой.

Таким образом, на основании полученных материалов можно утверждать, что вскрытое нами помещение с небольшим коридорообразным входом, вырытое в толще лёссовых отложений у подножия и частично врезающееся в толщу раннесредневековых стен поселения, было сооружено не ранее второй половины XIX в.

В целом, принимая во внимание расположенное рядом место всеобщего поклонения — могилу святого Хужа Илгора, общий характер коридорообразного прохода и вскрытого нами полусводчатого помещения, уходящего в толщу лёссовых отложений на глубину до 3 м от уровня дневной поверхности, его небольшие размеры, а также его унифицированный и часто встречающийся во всех регионах тип, можно предположить, что последнее является чилляханой, т. е. местом сорокадневного очищения при святой могиле.

Исходя из полученных материалов, можно совершенно определенно утверждать, что вскрытая нами чилляхана была построена во второй половине XIX в. и никакого отношения к эпохе Темура и Темуридов не имеет.

В процессе дальнейшей зачистки стенок раскопа, несмотря на ограниченность наших исследований во времени, удалось получить значительное количество археологического материала, свидетельствующего о ранних этапах истории укрепленного поселения. Это фрагменты от стенок, венчиков и донец хумов, котлов, корчаг, кувшинов, блюд и мисок.

Наиболее ранними из них представляются фрагменты венчиков от мисок кызылкырского типа, датируемые III—V вв. н. э. Широко представлены материалы эпохи раннего средневековья и в несколько меньшей степени — классического средневековья IX—XII вв. Последний этап обживания здесь характеризуется наличием керамики с голубой глушеной поливой и выступающим по внешней поверхности стенок красно-коричневым ангобом.

Таким образом, археологический материал с разрезов раскопа на территории укрепленного поселения Хужа Илгор позволяет считать, что эта наиболее древняя часть памятника возникла не позднее III—V вв. н. э. и пришла к запустению, по всей видимости, в начале XIII в., в связи с монгольским нашествием.

Наряду с исследованиями на наиболее древней укрепленной части поселения нами были произведены сборы археологического материала на территории позднесредневекового поселения, примыкающего к памятнику с восточной и юго-восточной стороны. Здесь в результате распланировки под благоустроенный комплекс с большим садом на значительной территории оказались разрушенными верхние культурные горизонты позднесредневекового поселения Хужа Илгор с массовым выходом керамики XVI—XVII — начала XVIII в. В меньшей степени собраны материалы XIV—XV и XIX — начала XX в.

Среди наиболее интересных находок надо отметить фрагменты архитектурного декора XIV—XV вв. — обычно от майоличных, мозаичных и комбинированных (майолично-мозаичных) панно, выполненных голубой, синей, белой и черной краской в виде геометрических и растительных узоров. Встречен также фрагмент барельефно-майолического архитектурного декора с надглазурной росписью желтоватой, красноватой краской и черным ограничивающим роспись контуром по белому фону панно. Тесто черепков на лёссовой основе, светло-желтоватого и красновато-коричневых тонов. Фрагментов декора с кашинной основной черепка не встречено. Здесь найден также большой фрагмент от беловатой мраморной архитектурной плиты с изысканно выполненной геометрической и растительной орнаментацией.

Все эти материалы совершенно определенно свидетельствуют о наличии на памятнике Хужа Илгор в XIV—XV вв. по крайней мере нескольких архитектурных или надгробных сооружений. К их числу могли относиться не сохранившаяся, но упоминавшаяся старожилami мечеть, возможно мавзолей и исполненные в мозаике или майолике надгробные плиты.

Следующими по значению и количеству находок на позднесредневековом поселении оказались следы от нескольких разрушенных металлургических печей с остатками шлаков, стекловидной накипи, получавшейся при плавке железной руды, фрагменты от поддувала, стенок печей. В этой связи надо отметить, что среди местного населения еще сохранились предания о том, что на территории позднесредневекового рабада находился квартал «чунанчи», т. е. чугуноплитейщиков.

К сожалению, из-за отсутствия средств и ввиду сильных разрушений, произведенных при осуществлении благоустроительных работ на данной части памятника, мы не могли совершенно определенно датировать наиболее ранние этапы функционирования этих печей и пока ограничиваемся широкими пределами времени обживания позднесредневекового поселения — XIII — XIX вв.

Как мы уже отмечали, наиболее массовой керамикой, выявленной при распланировке верхних культурных горизонтов позднесредневекового поселения, явились материалы XVII — начала XVIII в. Здесь же при нивелировке территории буль-

дозером были выявлены два небольших клада серебряных монет. Один клад располагался в восточной, другой — в юго-восточной части позднесредневекового рабада. К сожалению, монеты по большей части разошлись по рукам местного населения и трактористов.

Хотя прошло уже значительное время, нам также удалось выявить здесь пять серебряных монет, на основании исследования которых Б. Д. Кочневым оба клада были отнесены к правлению династии Аштарханидов (XVII в.), причём две монеты — к правлению Абдалазиз-хана (1645—1680), одна — также к Абдалазиз-хану, но под вопросом, одна монета — к правлению Имам-Кули-хана и еще одна тоже относится к XVII в., но не поддается дальнейшему определению.

Исходя из результатов всех археологических изысканий на памятнике Хужа Илгор, можно сделать следующие выводы.

Так называемая «пещера Амира Темура», вырытая в глубине лёссовых отложений у подножия стен с восточной стороны укрепленного поселения Хужа Илгор, была на самом деле чилияханой, построенной не ранее середины XIX в. при могиле упомянутого святого, и не имела к личности Амира Темура никакого отношения.

На основании керамического материала, полученного при расчистке «пещеры Амира Темура», а также позднесредневекового поселения, можно заключить, что укрепленное поселение Хужа Илгор возникло в III—V вв. н. э., затем оно пережило значительный подъем в период раннего и развитого средневековья, придя к запустению в начале XIII в., в связи с разрушительными последствиями монгольского нашествия. Новые следы обживания в XIII—XIV вв. наблюдаются с восточной и юго-восточной части памятника — на позднесредневековом поселении. Старая же часть окончательно заброшенного укрепленного поселения постепенно превращается в мазар при могиле Хужа Илгор Ота.

В XIV—XVII вв. поселение Хужа Илгор постепенно переживает новый бурный расцвет, становясь центром железоделательного производства. В начале XVII в., в связи с наблюдаемым для всей Центральной Азии социально-экономическим кризисом, поселение Хужа Илгор приходит в упадок, и новые следы его обживания фиксируются лишь со второй половины XIX в.

Находки среди подъемного материала большого количества разнообразных типов архитектурного декора XIV—XV вв. и наблюдаемое на позднесредневековом рабаде широкое развитие железоделательного производства, на наш взгляд, тоже служат еще одним свидетельством неслучайности происхождения Амира Темура из кишлака Хужа Илгор, бывшего в его время крупным населенным пунктом с развитым железоделательным ремеслом.

Судя по местной устной исторической традиции, название кишлака Хужа Илгор происходит от прозвища одного из потомков пророка Мухаммада. Он был одним из полководцев Кутайбы. Смертельно раненный в бою близ Кеша, в местности, называемой тогда Лалмистон, он пожелал быть погребенным именно здесь. Лалмистон — это старое название данной территории. Расположенные здесь два священных лечебных ключа: «Чилла булок» и «Кутур булок» — до сих пор связывают тут с именем святого Хужа Илгор Ота, являющимся на самом деле его прозвищем. По данным средневековых исторических источников, при проведении военных кампаний термином «илгор» обычно обозначались передовые отряды, занимавшиеся в основном разведывательными операциями. При Кутайбе ибн Муслиме в такие отряды всегда включались наиболее надежные всадники из знатных родов⁵. Исходя из этого, термины «хужа» (показатель родства с пророком Мухаммадом) и «илгор» (подразумевавший предводителя или известного представителя передового арабского отряда во времена Кутайбы) вполне могут отражать отголоски реальных исторических событий.

Среди населения кишлака широко распространены различные предания и легенды о фантастических событиях, предшествовавших рождению Амира Темура, его смелости в юные годы, и все это, по словам местных жителей, предопределило его великое будущее и всеобщий авторитет.

Но наряду с чисто легендарными, сказочными рассказами, в преданиях, видимо, проскальзывают и какие-то отголоски реальных событий. В частности, имеются сведения о разорении кишлака и унижении родителей Темура захватившими селение монголами. Это, по легенде, и побудило молодого Темура взяться за оружие в борьбе за освобождение родины от монгольского владычества.

Таким образом, на наш взгляд, весь комплекс археологических материалов, а также местная устная историческая традиция в совокупности с наиболее достоверной неофициальной хроникой Ибн Арабшаха определенно указывают на место рождения Амира Темура в селении Хужа Илгор.

Что касается свидетельства «Мунтахаб ат-Таварих» о селении Нийази, то, видимо, надо еще раз подчеркнуть, что отсутствие до сего времени его конкретной локализации и соответственно связанной с ним устной местной исторической традиции служат еще одним доказательством недостаточной обоснованности этой гипотезы.

⁵ См.: История ат-Табари. Ташкент, 1985. С. 149.

тезы. Иначе говоря, если бы местом рождения Амира Темура было не селение Хужа Илгор, а некий иной населенный пункт, это как-то должно было бы отразиться в предании заселения данной местности, чего, однако, на сегодняшний день мы не имеем.

Не исключено, впрочем, что топоним «Нийази» (перс. «даренный»), как об этом сказано в «Мунтахаб ат-Таварих», или Аджиги (тюрк. «даренный»), как об этом пишут в своих официальных хрониках Низам ад-Дин Шами и Шараф ад-Дин Али Йезди, а также кишлак Хужа Илгор — это разные названия одного и того же селения. Просто со временем более почитаемое название Хужа Илгор могло вытеснить два других (менее употребительных): Нийази — Аджиги. При этом важно учесть и то, что кишлак Нийази — Аджиги, по сведениям источников, считался собственностью (мулька) Амира Темура.

Все сказанное приводит нас к твердому убеждению, что селение Хужа Илгор действительно было местом рождения Салтинкирана.

Д. К. Мирзаахмедов, Т. Ш. Ширинов,
А. А. Анарбаев, М. Х. Исмиддинов

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ САРДОБЫ

Еще 60 лет назад, пока не была опубликована М. Е. Массоном специальная брошюра об изучении цистерн-сардоб¹, они были в сущности забытыми памятниками материальной культуры прошлого. В 1944 г. Н. Б. Баклановым были изучены и опубликованы архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в., среди которых имелся и план сардобы². Акад. АН РУЗ Г. А. Пугаченкова в разные годы исследовала некоторые сардобы: на городище Анау³, чертеж бухарского мастера XVI в.⁴, сардобу Баба-Садых в Северном Афганистане⁵ и др. После этого появились еще две-три небольшие статьи, выводы и положения которых в основном повторяли сказанное М. Е. Массоном и Г. А. Пугаченковой. Л. Ю. Маньковская изучала сардобу с точки зрения типологии водохранилищ и пришла к выводу, что сардоба в своем эволюционном развитии как крытое полуподземное портално-купольное сооружение не изменилась и специфична в своей структуре⁶. Однако как объект рекреации, т. е. как сооружение, приспособленное для кратковременного отдыха у воды и временного для путников убежища в условиях жаркого сухого климата, сардоба не рассматривалась.

Л. Ю. Маньковская пишет, что тип крытых водохранилищ установился в Средней Азии с IX—X вв.⁷ и не претерпел изменений вплоть до начала XX в., имея в виду основной принцип его формообразования⁸. Но если проанализировать весь исторический путь архитектурной организации сардоб, то можно выявить, что они в своем эволюционном развитии видоизменились, отличаясь не только меньшим или большим размахом и глубиной водоема, возвышенным или плоским куполом, выдвинутым вперед или пристроенным к куполу входным порталом, количеством оконных проемов в куполе и входов в цистерну, но и функционально. Не зря в исторических документах и литературе словом «сардоба» в значении «вместилище подземной прохлады» нередко называли «грот», «ледяной дом», «погреб», «подвал», «кудукхану» (помещение с колодезем) и, наконец, «подземное жилище».

Чертеж бухарского мастера XVI в. изображает необычный план сардобы с помещениями жилого и служебного назначения, сгруппированными вокруг цистерны⁹.

¹ Массон М. Е. Проблема изучения цистерн-сардоба. Ташкент, 1935.

² Бакланов Н. Б. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI века// Академия архитектуры. Сообщения Института истории и теории архитектуры. Вып. 4. М., 1944. С. 10—11.

³ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры развладения и феодализма//Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. VI. М., 1958.

⁴ Пугаченкова Г. А. Архитектурные заметки//Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962. С. 200—204.

⁵ Пугаченкова Г. А. Памятники позднефеодальной архитектуры Северного Афганистана//Культура Среднего Востока, градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 138—140.

⁶ Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.): Автореф. дис. ... доктора искусствоведения. М., 1982. С. 27.

⁷ В то время в литературе еще не была описана сардоба I в. до н. э., открытая археологами в городище Дильберджин в Северном Афганистане.

⁸ Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 96.

⁹ Бакланов Н. Б. Указ. статья С. 10—11; Пугаченкова Г. А. Архитектурные заметки. С. 202.